

ОТЗЫВ официального оппонента

о диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук
Бугая Дмитрия Владимировича на тему «Платоновская концепция справедливости и ее исторические предпосылки» по специальности 09.00.03 – История философии.

Обращение к философии Платона в любую историческую эпоху (а история таких «обращений» составляет уже более двух тысячелетий) всегда представляло собой актуальное событие напряжённой интеллектуальной жизни. Актуализирует проводимое обращение так же сама тема исследования – платоновская концепция справедливости. По крайней мере, в двух смыслах. Во первых, обращение к теме справедливости выступает мощным импульсом концептуального обновления и теоретического фундирования современных социальных рефлексий, этических и политических теорий. И второе, поскольку диссертация Д. В. Бугая содержит анализ основного произведения Платона – диалога «Государство», на первый план выступают базовые аспекты философии Платона и переосмыслению подлежат фундаментальные вопросы платоноведения, оценки многочисленных подходов, содержащихся в наиболее значимых, посвящённых ему работах. И, что само по себе весьма немаловажно, аутентичное прочтение диалога «Государство» и других его диалогов. Постановка вопроса об исторических предпосылках платоновской концепции справедливости, позволяет автору реконструировать собственные теоретические основы всей философии Платона, а не соотносить его идеи с оценками и выводами Аристотеля.

Несомненно, актуальность и значимость диссертационного исследования Д. В. Бугая определяется и состоянием современного платоноведения, его влияния на интеллектуальные течения во всех областях социо-гуманитарного знания. Обращение к такого рода философской тематике требует владения специальными навыками в области классической философии, что автор блестяще и продемонстрировал, подбирая подлинные источники на древнегреческом языке и заново переводя их. Автор свободно ориентируется в литературе по теме, а главное, даёт работам мирового уровня адекватную оценку и правильно

расставляет интерпретационные акценты, не ввязываясь в ненужные дискуссии, но чётко определяя собственную позицию, отказываясь от широко принятой эволюционистской модели философии Платона, которая начинается «сократическими» диалогами и понимается как последовательное обоснование (ответ) на поставленные в них вопросы. Автор справедливо сомневается в том, что есть убедительные аргументы для того, чтобы определить, что в диалогах Платона принадлежит Сократу, а что ему самому. Дело в том, что унитаристский подход (Фридрих Шлейермахер, Бенджамин Джоуэтт, Герман Бонитц, Поль Шорей, Джеймс Эдэм, Чарльз Канн и др.), и автор совершенно прав в его оценке, позволяет рассматривать так называемые «сократические» или «апоретические» диалоги Платона не как свидетельство незрелости платоновской мысли, но как сознательное конструирование апорий для освобождения интеллектуального пространства и создания единого продуманного и цельного философского учения.

В этом случае и становится понятной важнейшая роль исторических свидетельств по вопросам, осмысливаемых Платоном, а поскольку они представлены в ранних источниках лишь фрагментарно, автор обращается к источникам литературным (Гомер, Гесиод, Солон, Эсхил, Софокл). Определяющую роль играет формулировка темы, позволяющая поставить в центр внимания концепцию справедливости у Платона, и этим закладывается новый вектор исследования. Расширение идейного пространства исследования автор осуществляет, выходя за пределы полемики софистов и Сократа и предпосылая обращению к «Государству» Платона обстоятельное обращение к осмыслению справедливости в истории древнегреческой мысли. Такой поворот делает проводимое исследование уникальным, сообщает ему несомненную новизну и актуальность, какими могут (и должны быть) значимые интеллектуальные события.

Объект (совокупность древнегреческих философских и литературных текстов VIII–IV вв. до н.э., прежде всего «Государство» Платона), предмет (понятие справедливости в греческой мысли данного исторического периода.) и цель работы (анализ платоновской концепции справедливости и ее предпосылок в

ранней греческой мысли) составляют единое целое, позволяют реконструировать платоновскую концепцию справедливости и дают представление о научной значимости и широте исследуемых вопросов.

Поставленные задачи сформулированы вполне корректно. Структура диссертационного исследования логически обоснована и выверена, что позволяет реализовать авторский замысел. Текст диссертации состоит из двух отделов. Первый отдел (7 глав, с. 54 - 226) «Справедливость в ранней греческой мысли» содержит реконструкцию архаических, подвергающихся видоизменению в процессе исторического развития полиса представлений о «дикэ». Исследование начинается с обращения к «тэмис» в ранней греческой мысли, а уже затем происходит содержательный анализ «дикэ» у Гомера и Гесиода, греческих элегиков, Пиндара, в греческой драме – у Эсхила и Софокла. Завершается раздел рассмотрением «дикэ» у Анаксимандра. Второй отдел (12 глав, с. 227 – 612), опирающийся на проведённое в первом отделе исследование, обращается непосредственно к анализу ряда диалогов Платона, прежде всего «Государства».

Уже в самом начале Первого отдела автор ставит вопрос о моральном элементе в раннем греческом праве, подвергая сомнению широко распространённый тезис о его отсутствии в этот исторический период. Прежде всего, это сфера некодифицированного права, а «тэмис» — это не правило и не закон, а некий ситуативный акт. С развитием греческого правового сознания, освобождающегося от произвола царя, получавшего божественное покровительство, эти представления замещают более общие правовые категории, а именно «дикэ». Автором справедливо подчёркивается греческий интеллектуализм в этике, проявившийся уже в ранней эпической поэзии. Гомеровскую дикэ нельзя свести к мирному легальному процессу. Она открылась как фундаментальное представление о мире и его порядке, которое лежит в основе легальности, но не создается ей. Космос представляет собой множество областей, наделенных различным статусом. Знание этого порядка делает человека не только мудрым, но и справедливым. Такого рода замечания, как и последующее обращение к Солону, проливают свет на осмысление дикэ у Платона. В этом

контексте в центре внимания уже Солон, а через обращение к нему и автора диссертационного исследования, оказывается полис, проблемы его сохранения и разрушения, богатства и насильственных действий. Это, так сказать, —диагноз состояния полисной жизни. Но и терапия была предложена незамедлительно, что и было сделано уже Феогнидом. Новым, по мнению автора, в феогнидовском понимании дикэ является её связь со здравым смыслом, сдержанностью и умеренностью (с. 145). Происходит интериоризация дикэ (переход от культуры стыда к культуре вины). Феогнид трактует её не только как должный порядок вещей и его восстановление, но и как внутреннее состояние человека.

За такого рода констатациями скрывается тщательно проанализированный автором литературный материал, который компенсирует недостаточность и фрагментарность раннегреческих философских источников. Но автор и не констатирует, а создаёт полновесную, убедительную модель понимания дикэ и её функционирования в качестве определяющей нормы в полисной сфере, где действуют полисные законы («номой»), а индивид выбирает собственную модель поведения. Вот ещё одна, принадлежащая Пиндару. Как и у Солон с Феогнидом дикэ у Пиндара связана с миром обогащения, которое вовсе не осуждается: тот, кто богатеет с умом, не совершает ничего несправедливого и несправедливого. Другое дело, что для Пиндара человек предрасположен к несправедливости и надменности, вот против этого и надо его предостеречь и воздать должное тому, кто подобного не совершает. Выводы автора по данному персоналию обладают и самостоятельным значением. Казалось бы, Пиндар закован в жесткие формы традиции: тема богатства, гомеровское сопоставления и т. д. Но эти элементы теперь уже не существуют отдельно, превращаясь в один из вариантов пиндаровой софии, сочетающей богатство и ум, справедливость и мудрость, открывающуюся в мусических глубинах. Аналогично этому, противостояние силы и дикэ — традиционная тема, обретающая у Пиндара, некоторые новые оттенки: сила для него может стать выше дикэ, сильнее её, а в его поэтике то, что сильнее, то и лучше. Конечно, привлекаемый литературный материал чрезвычайно значим для последующего анализа.

Ну и, конечно, большое место Д. В. Бугай уделяет древнегреческой трагедии, демонстрирующей фундаментальные коллизии человеческой жизни (дерзость людей и зависть богов) в соотношении с дикэ. Боги, желая наказать человека, лишают его разума. Однако, они ослепили разум Ксеркса потому, что «этот разум уже был болен по вине самого персидского царя» (с. 167). В этике Эсхила автор видит противопоставление доблести в ее оценке другими и доблести как она есть «в себе». Выражается оно в том же противопоставлении кажимости и бытия, в каком оно выразилось в современной Эсхилу философии Парменида. Характеристика «справедливый» оказывается зависящей от внутреннего склада человека и здравого расположения ума. По сути, это столкновение «культуры стыда» и «культуры вины». Автор проводит и весьма содержательный анализ драм Софокла. Он погружается в глубины исследования творчества Софокла и подготавливает почву для обращения к диалогам Платона: В «Аяксе» мы видим довольно простую схему действия божественной справедливости: «высокомерие героя заставляет его презирать богов, презрение к богам оборачивается божественным наказанием, безумием и бесчестием, уничтожающим — в конце концов — физическое существование героя» (с.208).

Впрочем, герой может пойти против богов и понести соответствующее наказание, но героическая доблесть, несмотря на это, божественна сама по себе и не уничтожается с физическим уничтожением героя. Божественная воля и «аретэ» героя, его самоопределение и божественная справедливость сплетаются в один смысловой узел. В «Эдипе Царе», действительно, остается за сценой ответ на вопрос «За что боги так наказали Эдипа?». Софокл стоит, и в этом невозможно не согласиться с автором, «в преддверии платоновского решения проблемы теодицеи: действие бога, даже если оно поначалу кажется злом, оборачивается, в конце концов, благом, и главным определением божественного действия становится божественная милость и благодать богов...» (с. 217).

На этом фоне обращение к раннегреческим философским источникам приводит к обоснованным выводам. Так фрагмент Анаксимандра В1 (жемчужина раннегреческой прозы), по мнению автора, не может быть признан аутентичным.

Для обоснования этого положения он приводит достаточные аргументы. Конечно, любая реконструкция мысли, посвященной «дикэ», у Анаксимандра, да и у других раннегреческих мыслителей, становится достаточно произвольной. Вот поэтому обращение к древнегреческой литературе, проведённое автором, становится столь оправданным и необходимым.

Второй отдел открывает глава «Платоновская концепция справедливости в «Апологии Сократа» и «Критоне»». Обращение к названным диалогам становится своего рода введением в платоновскую философию справедливости. Просматривается, по нашему мнению, основное положение, от которого отталкивается автор диссертации и которое он раскрывает, по сути, на всём её протяжении – справедливость выступает определяющим началом человеческой жизни (индивидуальной и общественной). Задача, которую поставили Главкон и Адимант перед Сократом в первых книгах «Государства», состоит в том, чтобы показать, что справедливость есть благо. Благом является справедливость сама по себе. Но в отличие от своих последствий, воздействующих на тело, относится она не к телу, а к душе. Здесь и проявляется определяющая роль справедливости, которая приносит душе пользу и здоровье, тогда как несправедливость несет вред и болезнь. И второе, автор погружает нас в сферу платоновского интеллектуализма, за которым кроется общий грандиозный поворот – переход от обыденных выражений к понятиям, чреватый кризисом традиционной культуры.

Традиционный взгляд на социальную жизнь как на незыблемый порядок распределения почестей и благ, за которым надзирали Зевс и Дике, созвучен взглядам Критона. Его система ценностей традиционна: он считает естественным и правильным избегать страдания и стремиться к приятному, друзьям платить добром за добро, а врагам – злом за зло. Но как же быть в новых условиях – когда произошёл отказ от традиционных ценностей и злом стало отсутствие ума, а благом — разумение и разумность? Обходиться без справедливости, отдавать предпочтение несправедливости или оставаться верным справедливости? Создать идеальный социальный проект и попытаться его реализовать? Нет, возражает Д. В. Бугай, интеллектуальные усилия Платона направлены не на создание идеальной

модели государства. «Основной темой "Государства" является вопрос о справедливости, а не проблема идеального государственного устройства. Главный вопрос, на который в конечном итоге должны ответить собеседники, является вопрос о выборе образа жизни, справедливого или несправедливого, для того, чтобы достигнуть счастья или хорошей жизни» (с. 250). Более того, как далее показывает автор, хотя у Платона справедливость, присущая отдельному индивиду, подобна справедливости полиса, целью исследования выступает проблема справедливости отдельной души, тогда как рассмотрение общественной справедливости оказывается, прежде всего, средством. Но как же теперь можно её обосновать?

Так возникает вопрос о государстве, чему посвящены вторая, третья и четвёртая книги «Государства», составляющие единый смысловой блок, в котором происходит соотнесение понятий справедливость и государство. Другое дело, что необходимо определить, что такое справедливость и что такое несправедливость как таковые, в чистом виде. Этому и служит изображение идеального государственного устройства, как некой укрупнённой модели, задающей масштаб исследования индивида. Вопросом о государстве многие исследователи начинают платоновскую «утопию». В этом случае на первый план, как например у Алвина Гоулднера, выносятся вопросы о социальной солидарности и социальном неравенстве (государстве бедных и богатых). Автор выбирает другой путь, отмечая, что интеллектуальные усилия Платона направлены на вопрос о выборе образа жизни, справедливой или несправедливой, для того, чтобы достигнуть счастья и хорошей жизни. Да и что считать хорошей жизнью? Необходимо определить, что такое справедливость и что такое несправедливость как таковые, в чистом виде. Этому и служит изображение идеального государственного устройства, как некой идеальной модели и масштаба исследования. Автор предлагает присмотреться к называемому так, с лёгкой руки Главкона, «государству свиней» (с. 325-328). Автор показывает, что здесь содержатся истоки нового подхода к проблеме справедливости. Общества, основанного на удовлетворении только естественных потребностей, уже нет, каким же будет понимание справедливости для выходящего за их круг общества. Этот вопрос не устарел и для нас.

Пятая, шестая, седьмая книги «Государства», содержащие рассуждения о частной собственности, семье и правлении философов в соответствии с идеей Блага, представлены в следующем смысловом блоке диссертации (7 - 9 главы диссертации), начинающимся с вопроса о воспитании стражей и заканчивающимся описанием правления философов. Впрочем, автор не элиминирует из рассмотрения вопросы полисного устройства, утверждая, что для Платона счастье всего полиса — это не сумма наслаждений каждого из его членов. Оно заключается, прежде всего, в правильном функционировании частей общественного целого, тогда как наслаждения в обычном смысле слова не имеют прямого отношения к счастью всего полиса. Так решается проблема «гедонэ» и «аретэ» посредством некоего «измерительного искусства» - «метретики техне». Простые и соразмерные удовольствия — это те, которые совместимы с разумом и правильным мнением и руководствуются здравым расчетом.

С этим связана и другая мысль автора. По его мнению, Платон в пятой книге еще и еще раз подчеркивает, что основа идеального полиса — это не произвол законодателя, но сама природа. Однако, по его мнению, под природой Платон понимает врожденные интеллектуальные способности души, которые и лежат в основе естественного разделения труда. Соответственно, в восьмой главе диссертации показано, что трехчастная душа и справедливость в душе объединяются в единое целое. Из чего и вытекает возможность обращения к тематике социального устроительства, продемонстрированная в девятой главе, в частности, это до сих пор вызывающие ажиотаж вопросы о природе женщины, общности жён и детей, уничтожении семьи и частной собственности. Однако эти рассуждения заканчиваются вопросом о правлении философов, а многое из того, что считается центральными положениями философии Платона, справедливо замечает автор, в самих диалогах является именно гипотезами.

Центральный вопрос — вопрос о воспитании и здесь снова и снова выходит на первый план внутренняя связь высшего рода знания и блага, которая будет затем подчеркнута и при рассмотрении мудрости души, и станет главной темой шестой и седьмой книг «Государства». Однако цель Платона в «Государстве» лежит в иной

плоскости. Она, по мнению автора, более общая глубокая, чем полагают наивные реалисты платонизма. Изображение хорошего полиса открывает путь к пониманию того, что такое справедливость и справедливый человек. А это, в свою очередь, даёт жизненный ориентир, позволяющий достичь счастливой жизни. Однако справедливость, которая создается рассуждениями – сомневается автор - вряд ли может быть полностью воплощен в справедливом человеке, не говоря уже о справедливом обществе. Речь, по его мнению, должна идти о единстве морального и физико-телеологического аспектов, которое существует благодаря душе. Поэтому переход от морали к природе и от природы к морали возможен (этический интеллектуализм). В основе мира лежит цель, что она посредством души создает все прекрасное и правильное как в природе, так и в человеческой деятельности, что наш разум существует именно для познания этой цели, а не для удовлетворения грубых и низких вожделений. В этом контексте автор трактует миф о пещере, в этом же контексте интерпретирует основные онтологические идеи Платона. «Три главные темы - справедливости и блага, высшего вида знания, правления философов как единственной возможности хоть какого-то приближения к идеальному образцу, переплетаясь, образуют в своем соединении главный предмет центральных книг диалога» (с. 427). Автор отмечает, что в его тексте «слова «бытие», «сущее», «существование» не имеют значения термина, как они не имели его у Платона, и свободно применяются для перевода любого из вышеперечисленных греческих слов или их форм» (с. 433.). Автор возражает и против того, чтобы сделать из учения Платона «очерк общей гносеологии», поскольку он создал диалог, прежде всего посвященный справедливости.

У Платона, после того, как рассмотрен вопрос о философии и философах и их роли в государстве (в диссертации им посвящены интереснейшие разделы), повествование, достигшее кульминации, перерастает в развязку и эпилог: неправильные формы правления и души, окончательное сравнение души философа-царя и тирана в отношении счастья; миметическая поэзия и философия; счастье справедливого человека в этом мире и в загробной жизни. Итак, философы в отличие от любителей зрелищ и слухов стремятся к самой истине (в одиннадцатой главе диссертации

рассматривается деградация государственного устройства, лишённого справедливости, а в двенадцатой – роль поэзии). Истиной у Платона является истинно-сущее или, проще говоря, существующее на самом деле. Именно в этом контексте, контексте учения о добродетелях, как высшее и необходимое завершение этого учения появляется идея блага. Разум сам по себе не является благом. Он должен быть воспитан, тогда он открывает путь к справедливости. Автор аутентичен Платону: в основе мира лежит та цель, что посредством души создаёт все прекрасное и правильное как в природе, так и в человеческой деятельности, эту цель следует знать, чтобы наша деятельность не превратилась в бессмысленный набор никому не нужных дел, наш разум существует именно для познания этой цели, а не для удовлетворения грубых и низких вожделений.

Давая общую оценку диссертационному исследованию Д. В. Бугая, следует отметить высшую степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, достоверность и новизна которых не подлежат никакому сомнению. Определяющим обстоятельством научного успеха диссертанта выступил творческий замысел предпослать исследованию философских текстов обращение к литературным произведениям, позволившее воссоздать континуум античного теоретического мышления, способность автора заново прочитать и переосмыслить одно из самых сложных и драматичных произведений мировой философской мысли – диалог «Государство». Всё это свидетельствует о высоком профессионализме автора и специальной подготовке к такого рода работе. Аутентичное прочтение Платона, которое неизбежно становится комментированием, невозможно без глубокой аналитики, отличающей диссертационное исследование, которая реализуется в трактовке текстового материала, а иногда, весьма сдержанно и лапидарно, выступает на поверхность в виде замечаний и уточнений к наиболее значимым и авторитетным исследованиям по теме диссертации.

И ещё одно важное достоинство работы автора. Новое прочтение основного диалога Платона позволяет перенести акценты с архитектоники государства на архитектонику человеческой души, благодаря чему в конечном итоге платоновский мир становится нам намного ближе и понятней, поскольку исчезает необходимость

вглядываться в него через навязываемую ему в течении веков призму «учения об идеях». Тогда как же понимать античную философию? Такой Платон не вписывается в неё. Нет физики (натурфилософии), нет теории идей как главного в размежевании с Аристотелем. Но если вспомнить отношение автора к возможности, а вернее к невозможности реконструировать учения древнегреческих философов на основании отдельных фрагментов, всё становится на свои места. Цельные тексты (исторические предпосылки) воссоздают пространство древнегреческой мысли, а не фрагменты древнегреческих мыслителей – сохранившиеся на основании свидетельств Аристотеля. Тогда утверждается не аристотелевский ход – вся античная философия это учение о сущем как таковом («забвение бытия», по Хайдеггеру), а движение в пространстве самоопределения – справедливости («дике»).

Конечно, можно было бы сделать отдельные замечания. Например, в формулировке темы лучше бы прозвучало словосочетание «идейные предпосылки», а не исторические. Исторические предпосылки – это нечто иное. Можно было бы говорить и о некоторых частностях при избирательном подходе автора к специальной литературе по теме исследования. Но это, скорей, размышления, а не замечания.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования, выполненного на мировом уровне. Проведённое исследование свидетельствует об успешном использовании автором разнообразных историко-философских методов. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 09.00.03 – «История философии» (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Бугай Дмитрий Владимирович заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 – «история философии».

Официальный оппонент:

Доктор философских наук,
профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики
Института философии и социально-политических наук
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Драч Геннадий Владимирович

09.12.2019 г.

Контактные данные:

тел.: 7(918)5047957, e-mail: gendrach@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

09.00.03 – История философии

Адрес места работы:

344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, д.116,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
Институт философии и социально-политических наук
Тел.: 8(863)250-72-77; e-mail: ipsps@sfedu.ru

Подпись сотрудника Института философии
и социально-политических наук ЮФУ

Г. В. Драча удостоверяю:
кадровый работник

подпись Драча Г. В.
Секретарь Совета
Южного университета
Мирошниченко О.С.